

Васька Игнатьев

Пролегала-просвистала да быстра реченька,
По прозванию-ту реченька Смородина,
Она усьём-то пала в Волгу-матушку;
Волга-матушка река да под Казань она пошла,
Под Казань она пошла, пошла под Вастрахань,
Она усьём-то попала да во синё морё.
По синю-то морю да тут караб бежит,
Баско-хóрошо караб да изукрашеной:
Кабы нос-де, корма да подзолочена;
Место глаз-то его да было врезано
Как по челому камню да самоцветному;
Место ресниц-то его было приклеено
Как по целому бобру да по осистому;
Место бровей-то его было прибivano
Как по челой лисиче да бурнастой;
Место ушей-то его было привязано
Как по целому волку да по рыскучему;
Место хвоста-то его было повешено
Как по целому зверю да по заморскому.
А карабль-от бежит, да как сокол летит,
А и рыщет карабль по-звериному,
Кабы хоботы-то мецёт по-змеиному,
Да не флюгар на дереве шатайтсе,
Будто лютая змея да извивается.
Да бежали, выбегали два гнеды тура,
Да настречю им туриця, да родна матушка:
«Уж вы здраствуйте, туры, да дети малыя!» —
«Уж ты здраствуй, туриця, родна матушка!» —
«Уж вы где же, туры, да были-побыли?» —
«Уж и были мы ведь, матушка, во Шахаве,
Да погулели, сударына, во Ляхове,
Сарочинско чисто полё да впоперёк прошли,
Стольной Киев мы град да из конца в конец,
Некакого мы ведь цюда-та не видели,
Только видели чудышко не малое,

Да не малое чудо, да превеликое:
Да середка мы ноци, да середь тёмной,
Да середка мы ноценьки осённой,
Отворилисе ворота да городовая,
Выходила девица да младо красная,
Да в одной она рубашецьке без пояса,
Да в одних она чеблётах без цюлоциков,
Выносила она книгу, да лис Еваньелье,
Забродила она да во Пучёв-реку,
Забродила она да по колен в воды,
Да ищэ того поглубже — дак до горлышка,
Становилась ко камешку ко серому,
Да и клала она книгу да на серой камень,
Да стояла она тут от зари до зари,
Да читала она книгу от доски до доски,
Да и сколько читала, вдвое плакала».

Говорила им матушка родимая:
«Ох вы ой еси, туры да златорогия!
Не девица выходила — да Богородиця,
Она цюет над городом незгодушку,
Она цюет над Киевом великую:

Да и Скурла-де царь да подымайтесь
Да со тем же со сватушком со Куршаком,
Да со тим же со зетелком со Миршаком,
Нагонил он в чисто поле силы множество:
Попередито его да сорок тысецей,
По праву его, собаки, да сорок тысецей,
По леву руку собаки — сорок тысецей,
Позади-то его да числа-смету нет;
Поселилса он тут да нынь в чистом поле,
Хорошо-де собака да шатры выставил,
Хорошо он, татарин, да верхи выкрасил,
Да и сам он тут по силушки похаживат,
Да и сам он тут силушку разглядыват,
Да садилса-де Скурла да за дубовой стол,
Он писал ерлыки, да скору грамотку,
Выбирал он тотарина, какой больше всех,
Выбирал он тотарина, какой толще всех,
Да и выбрал такого да превеликаго,

Да и туша-то его да всё коса сажень,
Да коса-де сажень, сажень печатная,
Да и плеча-то его дак махова сажень,
Головище у его сильней пивной котёл,
Да ушища у его, как царски блюдища,
А глазищи его, как пивны чашища,
А ручища его, как сильны граблища,
А ножища у его, как сильны кичижища,
А и сам он ему тут наговариват:
„Да и едь ты через пашенки посеенны,
Через те же мелки да переулоцьки,
Через стены те едь да городовыя,
У ворот ты не спрашивай приворотников,
У дверей ты не спрашивай придверников,
Да ставь ты коня серёдка улицы,
Не привязывай коня ты, не приказывай.
Заходи ты во гриню во столовую,
Уж ты Богу не молись, да ты челом не бей,
Ты челом не бей, некому не кланейся,
Уж ты выложь ерлык да на дубовой стол;
Как ты выложишь ерлык, дак так и вон поди,
Так и вон поди, скорее назад гони“».

Тут подходит солнышко Владимир-князь,
Да читат он ерлык, да скору грамоту,
Да и то у собаки написано,
Да и то у собаки напечатано:
«Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Уж ты дашь город добром, дак я добром возьму,
Ты не дашь город добром, дак я боём возьму,
Я великой ле дракой, да кроволитьцём:
Я соборны больши церкви да вси на дым спушу,
Я царевы больши кабаки на огни сожгу,
Я печатны больши книги во грезе стопчу,
Чудны образы иконы да на поплав воды,
Самого я князя да в котле сварю,
Да саму я княгину да за себя возьму».

Говорит же тут солнышко Владимир-князь:
«Ох ты ой еси, княгина да мать Опраксия!
Уж ты дума моя да была крепкая,

Уж ты слово моё да было тайное,
Уж ты вострая баба, да всё догадлива,
Пособи-ко ты мне на думу думати,
Да скажи-тко мне да ты пожалуста:
Да кого же нам послать нынь поединщиком?»
Говорит тут княгина да мать Опраксия.
«Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Ты сходи-тко, ты поди да на царев кабак,
Кабы нет ли там какого руського богатыря?»
А на то-де нынь князь да не отслышался,
Побежал нынь Владимир да на царев кабак,
Да и стретилась ему первая застава,
Да и стал тут-де князь ныньце выпрашивать:
«Кабы хто ле есь гулят на царевом кабаке,
Да на том же кружале да восударевом?»
Говорит ему первая подсушинка:
«Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Ты не с нами думу думаешь — с боярами».
Побежал-де ныньце князь да он опять вперёд,
Кабы стретилась ему серенняя подсушинка,
Да и стал тут князь ныньце выпрашивать:
«Кабы хто же есь гулят на царевом кабаке?
Да на том же кружале да восударевом?»
Говорит ему серенняя подсушинка:
«Ты не с нами думу думаешь — с боярами».
Да пошёл тут князь ныньце опять вперед,
Да и стретилась посленняя подсушинка.
Да и стал тут-де князь ныньце выпрашивать:
«Уж и нет ли кого на царевом большом кабаке?»
Говорит ему последняя подсушинка:
«Кабы есть-ту да Васинька Игнатъевиць,
Он пропилсе, промоталсе да всё до нитоцьки,
Не креста у его нет, не пояса,
Он ведь спит-ту на пецьке, да на муравленке,
Да под тем же под красным под трубным окном,
Наступают ему да третьи сутоцьки».
Побежал тут князь ныньце опять вперёд,
Да приходит-то князь да на царев кабак,
Да добрался до Васиньки Игнатъевиця,

Да Василей-от спит, да как порог шумит.
Да и стал тут князь его побуживать,
Да и стал он тут его покликивать:
«Ох ты ой еси, Васинька Игнатъевиць!
Тибѣ долго же спать, да все пора ставать».
Да и будит его да во первой након,
Да и будит его да во второй након,
Да и будит его да во третей након,
Да и тут-де Василей да пробужаитсе,
От великого сна да просыпаетце,
Говорит ту-де князь да таковы реци:
«Ох ты ой еси, Василей сын Игнатъевиць!
Приходи ты во гриню да во столовую,
Пособи ты мне да думу думати».
Говорит-то Василей сын Игнатъевиць:
«Не креста у меня нету, да нынь не поеса,
Да пропилса я, промоталса да весь до ниточки».
Да и скоро-де князь-от крест-от выкупил.
Говорит ту-де Васинька Игнатъевич:
«Ты поди ты домой, да я ведь сам приду».
Да пошел-де тут князь да нынь домой назад,
Да стрещеют они да добра молодца,
Да того же они Василья сына Игнатъева,
Да садили его да за дубовой стол,
Подносили-де цяру да зелена вина,
Не велику, не малу — да полтара ведра.
Да завидели тут думныя бояра толстобрюхие,
А и это им порато да за беду стало:
«А како эка чесь сѣдни Васиньке Игнатъеву?»
А и тут нецѣ князь говорить не смет.
Говорит-то Васинька Игнатъевич:
«Да ещо ли я вам, Васинька, понадоблюсь?»
Говорят-то бояра да толстобрюхий:
«Тибѣ сказано ведь, Васинька, отказано!»
Да спросил тут Васька да во второй након:
«Да ищѣ ле я, Васинька, понадоблюсь?»
Говорят-то бояра толстобрюхие:
«Тебе сказано ведь, Васинька, отказано!»
Повторил тут Васька во третей након:

«Не ищэ ле вам ведь Васинька понадобится?»

Говорят-ту бояра да толстобрюхии:

«Тибэ сказано ведь, Васинька, отказано!»

А и князь-от ничего говорить ни смет.

Кабы тут-де ведь Васиньке за беду стало,

За великую досаду показалосе,

Тут седлал он, уздал да коня доброго,

Тут не видно поезки молодецкой,

Только видно: Василий на коня скочил,

На коня-то скочил, да он коня стегнул.

Как приехал тут-де Васинька Игнатъевич:

«Как и еду ле я с вами 1 в стольно Киев-град,

Я грометь-шурмовать да стольно Киев-град,

Мы повыбьём-де всю силу да самолучшую,

Уж мы тех же бояр да толстобрюхий,

Только тот с вами залог да я положу нынь:

Штобы оставить князя да со княгиною,

Да и царской двореч, да церкви божию».

Состоялася война да тут великая,

Кабы бьют по всему да как по городу,

А князя двореч да оставаитце.

Говорит ту-де Скурла да таково слово:

«А не ложь ле ты это да придумал же?»

Заскочил-то Василей во гриню во столовую,

Да хватал он столешенку кедровую,

Да вызьнел ей нынче выше могуцых плеч.

Да змолился ему да тут Владимир-князь:

«Ты оставь на покаянье грехом тяжким,

Не убей же ты во грине князя Владимира!»

Опустились у Василья да руки белыя,

Кабы выскоцил Василей да вон на улицу,

Да хватал он ведь трубоцьку да говорливую,

Заревел-завопел зычным голосом:

«Да пора нам надошла да нынь шабашити».

Тут бросали всю нынче орудю,

Кабы стали совет они советовать,

Кабы стали они да думу думати,

Кабы стали делить да золоту казну,

Да и Васиньку стали да тут обделивать.

Говорит тут один да из тотар ище:
«Ох ты ой еси нынь, да ты ле Скурла-царь!
У бою у нас Василей да всех ведь больше был,
У делу ныньце стал да он ведь меньше всех».

Говорит ту-де нынь да ищэ Скурла-царь:

«У мя есь ищэ сабелька некроавлена,
Наделю по Васильевой по шее я».

А и это нынь Василью да за беду стало,
За великую досаду да показалосе:

«У мя есь же ведь сабелька запасная,
Наделю я по Скурлатыной по шеюшке».

Да хватал он и сабельку нынь вострую,
Да на ту руку махнёт — тут и улица,
На другу руку махнёт — переулоцек,
Да и сколько он бьет, вдвое конем топчёт,
Да и бился он тут да трои сутоцьки,
Не одного из них да не помиловал,
Да и всех нарушил да до единого.

Тут подходит-то солнышко Владимир-князь:

«Ох ты ой еси, Василей да сын Игнатъевич!
Заходи-тко ты во гриню да во столовую,
Да садись-ко ты нынь да за дубовой стол,
Хлеба-соли ты ись, да ныньце квасу пить,
Быват, хочетса тебе и опохмелитсе,
Быват, хочетса тебе и опочинутце».

Заходил Василей во гриню во столовую, мыл руки белыя, простилсе (*извинился*) князю Владимиру —
расплакалса: неладно наделал. Тут посадил его князь и стали пировать —
помирились.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. 1902 г., д. Чуркина (на р. Пижме) Усть-Цилемской вол. — от Чуркиной Федосьи Емельяновны (уроженки д. Аврамовской на р. Пижме), 55 лет.)

1 С татарами (соб.).

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.